

ЭСТЕТИЗМ КАК СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕМЕЦКОГО РОМАНТИЗМА

Среди характеристик немецкого романтизма обычно выделяют акцентирование субъективного, личностного начала, принципиальный антирационализм, а также иронию в качестве принципа философствования и способа жизнедеятельности романтической личности. Однако некоторые из них являются также основными характеристиками иных философских течений, существовавших задолго до романтизма (например, принцип субъективной достоверности ведет свою историю еще от Декарта, не говоря уже об антирационализме, имеющем еще более древнее происхождение); другие (например, принцип иронии) касаются далеко не всех немецких романтиков, коих, однако, мы все же считаем таковыми (в частности, это касается Новалиса).

Однако можно выделить еще одну, и, пожалуй, самую существенную и главную черту этого направления, в равной мере присущую всем его представителям. Речь идет об эстетизме.

Эстетизм в качестве специфики романтического умонастроения, в качестве центра, в который стягиваются и связываются друг с другом все остальные его характеристики, или, по выражению П. Гайденко, «главного его нерва», впервые был выявлен и рассмотрен Сереном Киркегором. Феномен эстетизма определяется в представлении философа двумя моментами: во-первых, красота признается не только высшим благом и истиной; во-вторых, высшим жизненным принципом становится наслаждение этой красотой. В этом плане термин «эстетизм» имеет здесь иное значение нежели традиционное, сводящееся к выражению «искусство ради искусства»; вкратце киркегоровский эстетизм можно определить как культ или религию красоты. И действительно, красота становится главной ценностью романтиков: например, та же религия определяется у Гёлдерлина как «любовь к красоте». Романтическая душа, как и мир, живут по законам красоты, тем самым, в дополнение ко всему, она становится еще и онтологическим принципом, объединяющим все и вся, и, прежде всего, природу и человека. Это позволяет представителям романтизма рассматривать природные процессы по аналогии с душевными и, наоборот, выдвигать идею об их «живом созвучии» и гармоническом слиянии в «единую вечную пылающую жизнь». При этом речь идет, конечно, о душевных процессах именно романтика, а не рядового человека. Ведь только ему как творческой личности доступно быть, по словам В. Дильтея, «ясновидящим, проникающим в смысл жизни» [1], т.е. способным увидеть красоту и насладиться гармонией конечного и бесконечного. Красота, по мнению романтиков, не может быть усмотрена с помощью разума - она улавливается лишь искусством, будь то музыка или поэзия. Эстетический акт, с точки зрения романтиков, и в частности Шеллинга, есть переживание иной реальности как абсолютной, вживание в нее. Между тем, таких реально-

стей в душе романтика - множество и, относясь к каждой из них с равным вниманием, фактически ни одну из них романтик не принимает всерьез. Так, его внутренняя жизнь превращается в пространство игры. По сути, он играет здесь, прежде всего, своими многочисленными «Я», лишая, тем самым, по справедливому замечанию Гегеля, свою субъективность ее последней субстанциональности. Следствием эстетизма, таким образом, оказывается ирония, уводящая романтика в мир идеальных сущностей и отрывающая его не только от реальной действительности, но и, как уже было сказано, от самого себя, от необходимости выбрать себя. Если романтики считают иронию освобождающей, «победной», тем, что делает художника богом, бесконечно и свободно творящим в своем воображении миры, то Киркегор, вскрывая реальное «экзистенциальное» содержание романтизма, называет ее «трагической» и видит в ней судьбу, которая скорее закабалит ироника и делает его свободой иллюзорной.

Кроме того, Киркегор обнаруживает расколотость внутреннего мира романтиков, суть которой состоит в наслаждении красотой как запретным, ибо реально романтики испытывают радость никак не от гармонии, а, наоборот, от ее нарушения, от раскола. На «противоречивость желаний» романтиков указывает и Ф. Ницше, считая ее той основой, на которой «зидается вся романтика искусств и различных путей познания» [2]. Мечта романтических мыслителей о вечной и единой жизни, о тихой гармонии и «штиле» так и остается лишь мечтой и предметом их теоретико-философских построений, имеющих мало общего с их реальной жизненной позицией. Как подытоживает П. Гайденок, «хотя романтики осмыслили самих себя в понятиях гармонии, однако реально они жили диссонансом» [3].

Т.о., сам эстетизм как главная характеристика романтического течения, оказывается расколотым на две части: первая – представляет собой теоретико-эстетические построения, в которых закрепляется представление романтиков о самих себе, так скажем, «желаемое»; а вторая - это их реальная экзистенциальная позиция, т.е. «действительное». Рассмотрение этой специфической двойственности эстетизма романтиков является, по нашему мнению, существенным для понимания подлинной природы феномена романтического эстетизма и философии романтизма вообще.

-
1. Дильтей В. Сущность философии. М., 2001. С.102
 2. Ницше Ф. Веселая наука // Стихотворения. Философская проза. СПб., 1993. С.509.
 3. Гайденок П.П. Трагедия эстетизма. М., 1970. С.198.